

Фиалка

Татьяна Томах

ФАНТАСТИКА

Расследовать убийство назначили глора. Первым делом он замкнул защитный контур усадьбы. Потом велел всем находиться в своих комнатах и не появляться без крайней нужды в коридорах и тем более в саду.

Устроившись с этюдником возле окна, Вил с неприязнью и тревогой наблюдал, как глор бродит по саду. Обследует каждый сантиметр дорожки у пруда — то ли ощупывает, то ли обнюхивает камни длинными гибкими щупальцами, вертит во все стороны выпуклыми блестящими глазами на концах тонких отростков.

Сквозь решетку беседки был виден край белой скатерти и уголок желтой шелковой подушки. Должно быть, мертвая хозяйка дома все еще сидела там, уставившись неподвижными глазами на воду и уронив на подлокотник плетеного кресла костлявую руку с роскошными перстнями.

Вилу почудилось, что один глаз глора вдруг пристально уставился на него. Вил дрогнул и, отодвинувшись в глубь комнаты, спрятался за край тяжелой бархатной портьеры. Отложил этюдник, на котором так и не сумел сделать ни одной линии. Больше всего на свете ему хотелось бы оказаться подальше отсюда. Лучше всего где-нибудь на другой планете.

— Так, — скрипуче сказал глор, разглядывая Вила всеми тремя глазами, но под разными углами. Голос шел снизу — должно быть, транслятор был вмонтирован у него под форменным серым панцирем, защищавшим нежное тело. — Так. Художник?

— Боюсь, я вам ничем не помогу, — торопливо ответил Вил. — Я всего несколько дней здесь.

— Подробнее.

— Что, простите?

— Зачем, откуда, как?

Это был первый частный заказ Вила.

— Попробуй, — предложил хозяин галереи (он охотно выставлял работы Вила). — Что случайными продажами перебиваться? Твоя последняя пустыня — это... мороз по коже, одним словом.

— Мороз? — удивился Вил.

— Да нет, жарко от нее, конечно. И пить охота. А барханы, как звери, вроде подползают со всех сторон. И смотрят.

— Так и есть.

— Жутко, одним словом. Уж на что я привычный... Да, так вот я сразу и подумал: почему бы тебе не нарисовать эту старуху?

— Кого?

— Семейный групповой портрет. Она меня замучила, эта ведьма. Поддай ей хорошего художника! А ей лет сто уже, бабке. Того и гляди, помирать. Хотя с ее деньгами еще столько можно прожить на искусственных органах. Ну, да не мое дело. Аделаида Гейс, слышал?

— Еще бы, — присвистнул Вил.

— Почему вы думаете, что ее убили? — спросил Вил. — Она... Аделаида Гейс ведь уже старой была.

— Медицинское обследование. Гарантийный срок — десять лет.

— Она могла жить еще десять лет?

— Так. — Один глаз глора пристально смотрел на Вила, два других оглядывали комнату. — Это есть ваша работа?

— Да. Здесь наброски. Такая технология: я сначала делаю наброски с натуры. Потом, перед тем как писать картину, просматриваю их и... Простите, это ведь вам не интересно?

— Я не художник, — ответил глор. — Не знаю.

Он осторожно поднял двумя щупальцами матрицу для набросков, а третьим потрогал чистую поверхность. По белой глади мнимо-холста прошла рябь, будто кто-то окунул палец в неподвижную воду. Глор вернул матрицу на место.

— А подозреваемые есть? — неуверенно спросил Вил.

— Так.

— Кто?

— Мальчики. Дворецкий. Сель. Вы. — Глор мигнул — белая пленка на секунду закрыла блестящий шарик глаза. — Прошу откланяться. Беседа закончена. Можете выходить из комнаты.

Вил думал, что найдет Сель в ее садике. Или в библиотеке.

Она сидела в холле на узком диванчике перед огромным зеркалом. Ее лицо выражало явную растерянность. Бедная девочка! Вил подвинул шелковые подушки и присел возле ног Сель.

— Испугалась? — спросил тихо. Она посмотрела на него мельком и снова уставилась куда-то в пространство. — Теперь ты можешь уехать. То есть потом, когда это расследование закончится.

Он нашел ее ладошку — узкую, прохладную, спрятавшуюся под подушку, как напуганный зверек в норку. И опять задал вопрос, теперь дрогнувшим голосом:

— Ты хочешь уехать со мной, Сель?

Девушка обернулась, удивленно посмотрела незнакомым далеким взглядом.

— Сель, — сказал Вил, — все пройдет.

Из-за этого ее взгляда почему-то тоже стало страшно. Бедная! Такая нежная, впечатлительная... Наверное, потрясена смертью этой жуткой чужой старухи. Хотя они даже не родственники, Аделаида ведь просто удочерила и воспитывала девочку.

Вил погладил тонкие прохладные пальчики Сель, склонился, прикоснулся к ним губами, согревая дыханием.

— Я люблю тебя, — проговорил он. — Думаешь, это невозможно, чтобы всего за несколько дней? Я сам так думал, пока не увидел тебя. В самую первую минуту — вошел и увидел, как ты разговариваешь с этими своими цветами... Как их — фиалками, да?

...Она гладила круглые пушистые листья, как маленьких зверьков.

— Извините, извините, все теперь будет хорошо.

Голос взволнованно дрожал, и глаза, взглянувшие на Вила, блестели от слез.

— Что-то случилось? — спросил он.

— Ой! — Девушка улыбнулась, поставила лейку на пол. — Я вас не видела. Вы кто?

— Художник. Я приехал... только что. Какая-то беда с цветами?

— Мальчики отодвинули шторы, и цветы чуть не сгорели. Знаете, здесь такое солнце! А фиалкам это совсем нельзя. А они ведь цветы — не могут сами встать и уйти. Даже сопротивляться не могут, когда их убивают. Я открываю шторы на закате, чтобы они погрелись под вечерним светом, а иначе... Вам правда интересно? Хотите лимонада или чая? Вы устали?

— Еще как. Мальчики?

— Не думаю, что они специально.

— Ну конечно. Это те два милых молодых человека, которые так любезно указали утром мне дорогу к дому?

— Да, наверное.

— Конечно, они совершенно случайно проводили меня как раз к тренировочной площадке с зыбучим песком.

— Ой!..

— Пустяки. Я бывал в настоящей пустыне. Два часа по шею в песке, испорченная одежда, пара потерянных этюдников... право, ничего серьезного. Хуже, если бы на моем месте оказался кто-нибудь со слабым сердцем и без опыта прогулок по зыбучим пескам.

— Ой, извините, пожалуйста!

— Вас-то за что? Думаю, так же не специально эти изобретательные молодые люди чуть не убили ваши цветы. Их кто-нибудь воспитывает, не знаете?

— Сама Аделаида, — смущенно ответила девушка. — Это ее любимые правнуки.

— А вы?

— Я не любимая, — грустно улыбнулась девушка. — Я — так. Никто...

— Ты уедешь со мной, Сель? Помнишь, ты говорила: уехать бы куда-нибудь подальше от этого дома, увидеть другие города и миры, зеленые моря Тианы, горы Колиза, сады Розета... Помнишь, ты показывала мне картинки?..

— А вот, смотри, Вил, какие сады... Здесь водоемы, они соединяются узкой протокой, а вечером каждый подсвечивается особым цветом. Получается, как россыпь драгоценных камней... А здесь растут лотосы, можно плавать в теплой воде и смотреть, как они распускаются...

— Пожалуй, ты превратишься там в русалку.

— Почему?

— Потому что у тебя сейчас так мечтательно блестят глаза... Сель, скажи, почему получилось, что такое чудо, как ты, выросло в этом гадючнике?

— Ты о чем?

— Эти чудовища-мальчики, которые так и норовят устроить какую-нибудь гадость если не окружающим, так друг другу. А их родители, которые приезжали на выходные, выплясывают и унижаются перед бабкой — подзреваю, в борьбе за будущее наследство. И Аделаида — она, как паук в паутине, наслаждается этим всем цирком... Что ты здесь делаешь, Сель?

— Меня не спрашивали, — грустно улыбнулась девушка.

— Сель, Сель! Милая, давай уедем отсюда. Я бы сам уже сбежал отсюда, если бы не ты. И работа... У меня ни черта не получается с работой, понимаешь. Только ты... Знаешь, сколько твоих портретов я уже нарисовал, Сель?

— Вместе с тобой?

— Хочешь?

— Уехать... вместе с тобой... — Светлые глаза Сель были полны надеждой и отчаянием. — Да, хочу. Я так хочу. Ты такой... Ты совсем не такой, как они. Нет, она меня не отпустит.

— Да кто она, эта Аделаида? Кто она тебе? Тюремщица?

— Она не отпустит...

— ...Сель, милая, ведь теперь ты можешь уехать, да? Аделаиды больше нет.

— Ее нет, — согласилась Сель. — Старухи больше нет.

Она улыбнулась и посмотрела на Вила. Ему стало уютно под ее взглядом.

— Может быть, — задумчиво, растягивая слова, сказала Сель, — я и уеду с тобой. Почему нет? — Она погладила Вила по щеке холодным пальцем, легонько цапнула ногтем. — Ты милый.

Ее усмешка почему-то показалась неприятной.

— Да, — ответил он. Отнял ее ладонь от своей щеки, неловко улыбнулся и ушел к себе.

«Мальчики. Дворецкий. Сель», — вспомнил Вил бесстрастный голос глора... Сель. Неужели она могла?.. Эта — могла, вдруг подумал он. Ему до сих пор было холодно от ее оценивающего взгляда и улыбки. Что ее так изменило? Известие о смерти старухи? Или — убийство?..

В своей комнате он расставил вдоль стены наброски для портрета Сель, долго смотрел на них. Нет, он не мог так ошибиться. Она не могла быть убийцей.

— Почему ты лгать? — Голос глора, поднявшего Вила

среди ночи, казалось, звенел от гнева.

— Что? Я?

— Почему не говорить, кто ты есть?

— Я — художник. — Вил часто моргал, привыкая к яркому свету, а щупальца глора ловко и быстро раскладывали на полу наброски Вила.

— Психический художник! — рявкнул глор и больно ткнул щупальцем в грудь Вила.

— Что?.. А, ну да. Сейчас почти все художники...

— У нас — нет! — важно проговорил глор. — Что здесь есть? — уже спокойнее спросил он, махнув щупальцем в сторону набросков.

— Подготовка к моей картине. Но на самом деле ничего не получается, я думаю...

— Что здесь есть?

— Вы не видите? — удивился Вил.

— Другой чувство, — хмуро ответил глор. — Что?

— А-а... Извините, я не знал...

— Что?

— Это — старуха, — смущенно пояснил Вил, указывая на набросок, лежавший с краю.

— Как ты ее рисовал?

— У меня получился паук.

— Так, — произнес глор. Три глаза пристально смотрели на Вила. — Ты рисуешь истинный суть? Так?

— Нет, не совсем. Я рисую то, что чувствую в данный момент. Отличие пси-живописи от обычной в том, что рисуют и передают не взгляд, а ощущение. Так ярче, ближе, доходчивей. В обычной живописи я смотрю-чувствую-представляю-рисую, а зритель смотрит-представляет-чувствует. Длинная цепочка. Много теряется по дороге, понимаете? Пси-живопись передает чувство напрямую. Но при этом я могу ошибаться, и тогда эта ошибка передается зрителю. Понимаете?

— Я понимать, что старуху ты видел, как она — паук? Так?

— Так, — вздохнул Вил.

— Остальные?

— Мальчики — драконы. Ну, такие еще маленькие дракончики. — Вил хмыкнул. — Вредные, но неопасные. Пока. Пока кусаются друг с другом. Вот они, этот набросок.

— Дальше.

— Родственники — всякие пресмыкающиеся. Вот тут, смотрите. Я, собственно, почти сразу понял, что у меня ничего не получится. Вряд ли им... ну... понравится такой семейный портрет.

— Дальше.

— Что дальше?

— Кто есть еще?

— Сель.

— Что Сель?

— Цветок. Фиалка. Такие, знаете, растут в тропиках. Очень красивые. Не роскошные, потому что роскошные они, знаете, почти всегда хищные, ну вроде росянок, а фиалки такие почти незаметные, но очень милые. И нежные.

— Все есть животные, кроме Сель? Сель — растение?

— Да.

— Так. — Глаза глора собрались в треугольник, со-

ФАНТАСТИКА

ставляя улыбку. — Так и есть, психический художник, Вил. Жаль, ты не сказать мне раньше.

— Постойте, — повысил голос Вил. — Я не понимаю...

— Нарисуй цветок-Сель сейчас. Ты поймешь.

Вил догнал глора уже возле ворот усадьбы.

— Расследование закончен, — обернулся глор, махнув щупальцем. — Все свободны.

— Пожалуйста, объясните мне. Кто... кто убийца?

— Убийства не было, психический художник.

— Как? Но...

— Сель-растение. Улики — на Сель. Она сидела со старухой в беседке. Но Сель — растение. Я искал улики на других. Нет. Тогда я делал тест Сель.

— Какой тест?

— Ты уметь рисовать суть, глор уметь проверять суть.

— Тест на способность убить?

— Так.

— И что?

— Сель может убить. Значит, Сель не убивала. Убийства не было, психический художник.

— Я ничего не понимаю. Постойте. Как это? Почему вы сказали, что Сель — растение?

— Ты видишь суть, я знаю. Старая женщина растила себе второе тело заменить.

— Клон? Сель — это клон Аделаиды?

— Так. Старая женщина решила менять тело. Старая женщина надела тело Сель, ее никто не убивал. При перемене тела бывает краткий амнезия. Или старая женщина решила пошутить и придумать расследование своего убийства, которого не было. — Глор опять сложил глазами улыбку-треугольник. — У вас есть чувство юмор, так? — И он легонько ткнул Вила в бок щупальцем.

— Постойте! — крикнул Вил. — Стойте. Вы же... вы же здесь полицейский, да? Почему вы ее не арестовали?

— Убийства не было.

— Как не было? Как? Она ведь... она убила Сель!

У него перехватило горло. Сель... Такая беззащитная, нежная, особенная, чудесная...

«Я люблю ее, — подумал он. — И я больше никогда...»

— Не убила. Сель — растение. А вы, — глор ткнул щупальцем в грудь Вила, — вы животные.

